

На топографической карте реки Демьянки, недалеко от устья её притока Жарняковки, нарисовано несколько малюсеньких квадратиков, по легенде обозначающих избы поселения Лымкой (Лумкой). До устья реки Демьяна оставалось плыть путешественникам сто шестьдесят семь километров. Они ждали эту встречу, заранее радовались – наконец-то встретятся люди, с которыми можно пообщаться, обменяться информацией, может быть, услышать, что творится в мире и стране: ни радики, ни транзистора у них не было. Уже почти месяц они не видели живую душу, кроме птиц, рыбы и следов медведей и сохатых на песке. Да однажды ночью кто-то в котелке съел остатки вкусной гречневой каши с китайской свиной тушёнкой.

Обычно Нина спала чутко, слышала каждый шорох около палатки. А в эту ночь оба спали как убитые, не услышав, даже звона опрокинутого котелка. Накопилась усталость: каждое утро загружать в лодку все вещи, день работать вёслами, лазать по обнажениям, прослушивать радиоактивность пород, а вечером ставить палатку и всё снова заносить назад. Кто это был, неизвестно: руки-ноги не оставили, следов и экс-

крементов тоже, а по примятой траве они ещё не научились определять вид животного.

Но наступало утро, короткий завтрак с кусочками рыбы или овсяной каши, горячим крепким чаем, надевали резиновые сапоги от укусов змей, на плечи брезентовый плащ от дождя, и опять садились за вёсла. Руки к ним давно так привыкли, что, казалось, они к ним прикованы навсегда, как руки рабов на древнеримских галерах.

За очередным поворотом показался высокий берег и силуэты домов. Но никто не встречал их на берегу, как обычно бывает на севере – ни люди, ни собаки. По пологому спуску зашли наверх. Пусто. Улица в один ряд, параллельно руслу реки. Бывшие огороды заросли высокой крапивой и малиной. Кусты красной и чёрной смородины разрослись в большие куртины, а на малине висела спелая рясная ягода, но берёзы, любящие плодородную землю, ещё не успели освоить оставленные людьми территории. Значит, жители покинули деревню не более трёх-пяти лет назад. Даже визуально можно определить, какие дома покинуты раньше: они уже были без сенок, столов и лавок и даже одной из стен, вероятно, шедших на дрова оставшимся жителям, надеявшимся на какое-то чудо. «Вот что-то изменится, вот-вот... – думали они, – вернётся муж к жене или сын к родителям, и снова дом наполнится голосами».

Дома, брошенные недавно, ещё добротные с русскими глинобитными печами, на некоторых остались обрывки ситцевых занавесок, которые когда-то закрывали детей, вернувшихся со снежных горок, продрогших и мокрых, или спящих стариков на тёплом глиняном ложе. В запечке лежат ухваты и стёртые от частого употребления деревянные лопаты, которыми хозяйки совали на выметенный под печи круглые караваи подового хлеба и доставали их, умело стряхивая с лопаты на

стол, застланном рушником, вышитым красными и чёрными крестиками. Смазывали маслом или, за неимением оно, сбрызгивая изо рта водой.

На некоторых шестках стоят чугуны с отбитыми острыми краями: целые, конечно же, взяли с собой. Видно по всему, люди не спешили со сборами: узнавали, прикидывали, решали. На улицах и в огородах не обнаружено ни плугов, ни борон, ни заступов (лопат). Как без них на новом месте, особенно, если это место расположено ниже по течению на Иртыше или на Оби.

Страшно и тоскливо стало на душе у геологов: как будто подсмотрели и подслушали чужое горе, которое не предназначается для чужих случайных людей. Как на кладбище, где не рвут никаких ягод и цветов, Нина и Николай не сорвали ни одной и не кинули их себе в рот. Тишина. Молча сели в лодку и поплыли дальше.

– Нина, посмотри налево.

Недалеко от лодки реку переплывала на другой берег змея, извиваясь своим блестящим, будто чешуйчатым телом. Маленькая головка торчала в воде вертикально и зловеще.

– Ниночка, не бойся, это уж, видишь оранжевое пятно на голове. Змеи тоже не хотят жить в покинутом посёлке. Ужи любят селиться около живого человеческого жилья.

Отъехали от пустого посёлка километра два с половиной (это одна излучина реки или два «песка» – единица измерения речных расстояний остяков) и встали на ночёвку.

В последствии они узнали, что остяки также никогда не ночуют в брошенных поселениях и избах.

Красный закат солнца предвещал ветреную погоду.

– Ниночка, может быть, завтра с ветром сменится погода, прекратятся дожди. Смотри, появилась мошка, кружится столбом. Я думаю, это к теплу. Но зато нас всё лето не кусали

комары и не грызли оводы и слепни, как говорится, «не было бы счастья, да несчастье помогло».

– Николаша, как же надоела эта промозглая сырость, практически два месяца моросит и моросит дождь, а редкие перекуры приходились, как правило, на поздний вечер или ночь. Я бы, наверное, согласилась даже с наличием полчищ комаров на улице. Лето кончается, хочется погреться на солнышке. Ты посмотри, у меня кожа бледная, как у поганки.

– Лапушка моя, за то у нас с тобой, как у мореманов, обветренные лица. А твоё белое тело мне ещё больше нравится, оно пахнет приятнее, чем загорелое.

– Милый, мне нравится твой запах пота в любое время: и до работы, и после работы.

– Жёнушка моя, видимо, человек выбирает свою половинку по запаху. Учёные говорят, что каждый человек выделяет какие-то невидимые частицы – феромоны, если они у разнополых людей совпадают, значит, эта пара будет жить счастливо.

– Николаша, я с тобой согласна.

– Теперь в наступившем августе комаров не будет, но в солнечные дни начнёт свирепствовать мошка. Правда, от неё нас будет спасать река. Если завтра будет хорошая погода, устроим отдых и банный день. У нас есть НЗ после баньки.

– Замечательно. Я придумаю какой-нибудь салат из лесных трав, напеку блинов, сварю компот из ягод.

– Я научу тебя, как устраивать баню в полевых условиях.

